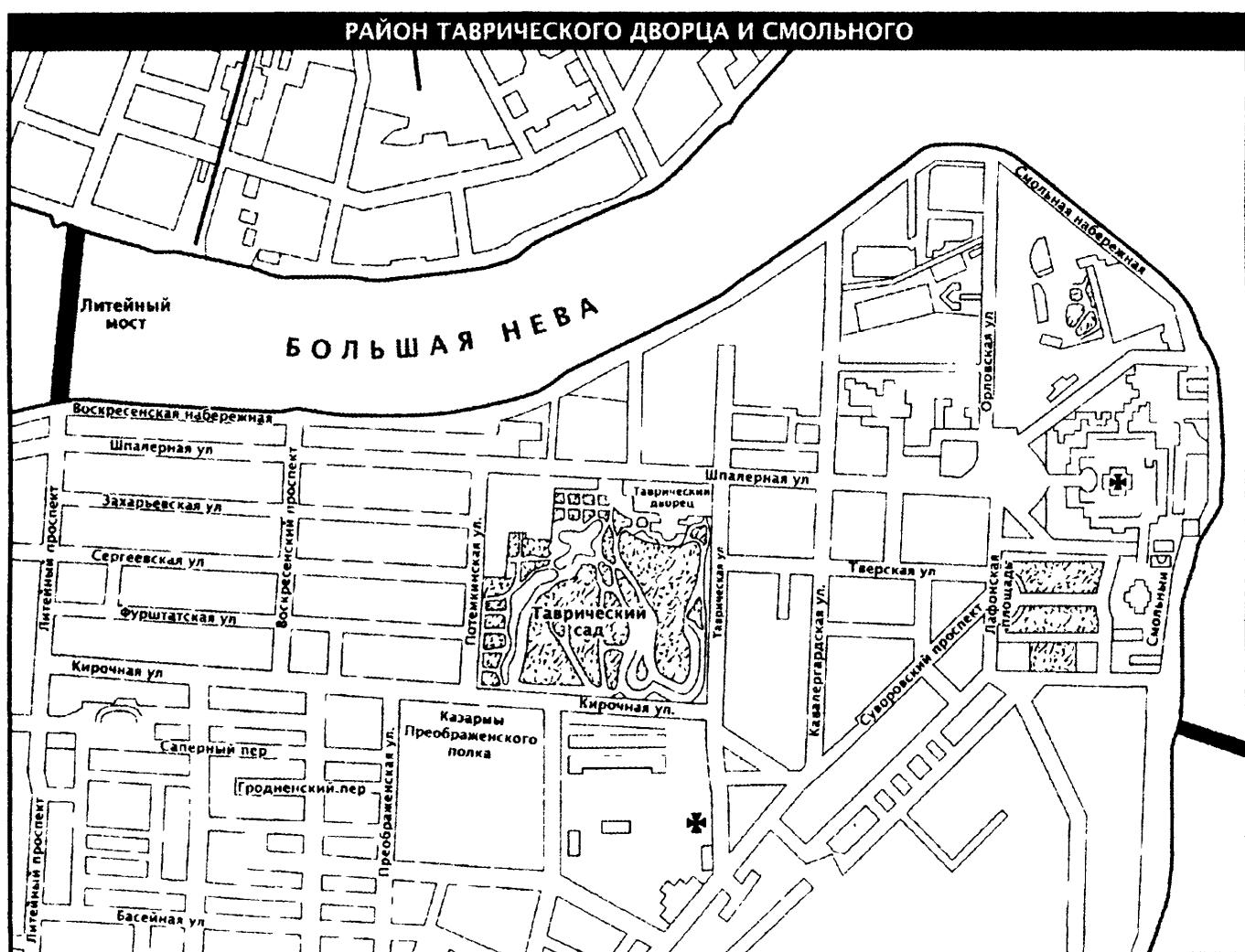

Глава 4

СУДЬБА УЧРЕДИТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ

5 января 1918 г., день, которому на долгие десятилетия было уготовано символизировать конец усилий по созданию в России много-партийной демократической системы западного образца, наступил. Открытие Учредительного собрания было намечено на час дня. Участники массовой демонстрации в его поддержку, организованной Союзом защиты Учредительного собрания, согласно широко обнародованным планам Союза, должны были собраться утром в девяти сборных пунктах. Оттуда им предстояло выдвинуться к мемориальному захоронению на Марсовом поле, слиться там в одну большую процессию и проследовать к Таврическому дворцу. Предполагалось, что участники шествия пройдут, не останавливаясь, мимо заснеженного дворцового парка и выйдут на Невский проспект, чтобы, пройдя через центр города, вернуться затем на свои сборные пункты.

Поздно ночью с 4 на 5 января советские власти были встревожены слухами об изменениях в настроениях некоторых частей гарнизона, в последнюю минуту решивших поддержать Учредительное собрание (1). Это очевидное подтверждение ненадежности войск Петроградского гарнизона заставило советское руководство спешно искать дополнительные источники силовой поддержки за пределами города. Поскольку воспоминания о беспорядках у Таврического 28 ноября были еще свежи и поскольку советское руководство было уверено, что запланированная Союзом защиты Учредительного собрания демонстрация является частью заговора с целью свержения Советской власти, его главные усилия были направлены на то, чтобы сохранить контроль над важнейшими правительственные зданиями, государственным банком и средствами связи. Кроме того, оно было намерено не дать демонстрантам собрать возле Тавриче-

ского дворца значительные силы, которые могли бы как-то повлиять на происходящее в нем. На пересечениях Литейного проспекта с главными улицами, ведущими к дворцу (Шпалерной, Сергеевской, Фурштатской и Кирочной), были сооружены баррикады из бревен. Такие же баррикады были устроены в стратегически важных местах на небольшой площади перед дворцом. Рано утром 5 января правительственные войска (преимущественно рабочие-красногвардейцы, моряки-балтийцы и немногочисленные солдаты гарнизона) заняли оборонительные позиции позади этих укреплений. В примыкающие к дворцу улицы и переулки были направлены вооруженные патрули, а на крышах ближайших домов установлены пулеметы. Прибывшие позже днем из Гельсингфорса и Кронштадта моряки подкрепления были брошены на усиление предполагаемых слабых мест.

В рядах этих сил безопасности были в основном новобранцы, насконо призванные и собранные в отряды. Дело в том, что наиболее

опытные в военном отношении и надежные войска находились в это время за пределами столицы — были направлены укреплять Советскую власть в провинции и помогать Антонову-Овсеенко бороться с контрреволюцией на Дону. Не имевшие ни опыта, ни специальной подготовки в обращении с актами гражданского неповиновения, эти новобранцы были просто отправлены на улицы с оружием, запасом боеприпасов и идеей о том, что на них возложена ответственность защищать Советскую власть от врагов, сплотившихся вокруг Учредительного собрания и вознамерившихся вернуть несправедливый старый порядок. Их командиры, тоже профессионально не подготовленные, получили такую же общую установку и, в лучшем случае, самые приблизительные инструкции о том, что именно они должны делать. Им следовало организовать оцепление и патрулирование определенных зон, быть готовыми направить подкрепление туда, где возникнут проблемы, и следить за тем, чтобы ни один человек без пропуска не проник в окрестности Таврического и Смольного. Подтверждением могут служить неопубликованные мемуары моряка с линкора «Заря свободы». Он вспоминал, как рано утром 5 января был назначен командовать сводным отрядом из нескольких сот человек и как потом получал периодические приказы, больше подходящие для руководства боевой операцией на фронте, чем для поддержания общественного порядка в городе. Демонстрантов, которые отказывались остановиться, следовало разоружить и арестовать (предполагалось, что у них будет с собой оружие). Если начнется стрельба, «безжалостно» открыть ответный огонь. Исключение должно быть сделано только для рабочих, в отношении которых полагалось применить все возможные методы убеждения, прежде чем прибегнуть к насилию (2). О том, что делать в случае, если безоружная толпа попытается прорвать или обойти заграждение, в инструкциях ничего не было — как не было, насколько можно судить, и близко системы налаженных связей между отрядами, а также между ними и слишком поздно образованным Чрезвычайным штабом.

С раннего утра сторонники Учредительного собрания, с пением революционных песен, с поднятыми высоко в воздух транспарантами, на которых красовались такие лозунги, как «Вся власть Учредительному собранию!», «Долой политический террор!» и «Да здравствует братство народов!», начали стекаться со всех сторон на

сборные пункты. В большинстве своем это были студенты, государственные служащие, сотрудники разных учреждений (среди которых было много женщин), лавочники и специалисты. По общему признанию очевидцев, за редким исключением (например, рабочие Экспедиции заготовления государственных бумаг (Гознак), Обуховского завода, других промышленных предприятий Невского района), рабочих среди демонстрантов не было. Они, как и солдаты, вняв призыву Петросовета, остались на заводах и в казармах. Подчинились демонстранты и другому приказу — о запрете оружия, о чем настойчиво предупреждали всех организаторы акции. Даже броневики, которые должны были сопровождать шествие, были успешно реквизированы рабочими-большевиками, что оставило демонстрантов совершенно беззащитными (3).

Участники демонстрации в поддержку Учредительного собрания на Дворцовой площади, 5 января 1918 г Государственный музей политической истории России, Санкт-Петербург

Первые столкновения между демонстрантами и правительстvenными силами произошли, когда участники шествия из пригородов были задержаны патрулями по дороге в город (4). Однако самые крупные и кровавые столкновения случились на баррикадах, перегородивших подходы к Таврическому дворцу со стороны Марсова

поля, а также на примыкающих к дворцу и парку боковых улицах. Все началось, по-видимому, около 10 часов, когда примерно тысячная толпа демонстрантов, пришедшая через Неву с Петроградской стороны, была остановлена на Сергеевской улице отрядом красногвардейцев. В ответ на приказ остановиться и повернуть назад демонстранты, с пением «Марсельезы» и красными знаменами в руках, продолжали двигаться вперед. Красногвардейцы сделали несколько предупредительных выстрелов в воздух, а когда это не подействовало, принялись беспорядочно палить в толпу (5). Часом позже у баррикады на углу Литейного и Шпалерной красногвардейцы и солдаты с винтовками напривес преградили дорогу еще двумстам демонстрантам, пришедшем с другого берега Невы, из Выборгского района. Приказав толпе поворачивать назад, они практически сразу же начали стрелять в воздух, разгоняя демонстрантов. Выхватывая из их рук транспаранты и знамена, они отрывали полотница от палок и швыряли их в костры или с Литейного моста вниз, на лед Невы. Граф Луи де Робьен, французский военный атташе, наблюдавший эту картину, запомнил, как они, порхая в воздухе, опускались на «сверкающую, замершую поверхность Невы, словно гигантские пурпурные бабочки» (7). А писатель-футурист Виктор Шкловский позже видел дворников, которые использовали древки от знамен в качестве рукояток для своих метел (8). Подобные ситуации, когда, с одной стороны, демонстранты сознательно стремились удержать в своих руках революционные символы — красные знамена, а солдаты и красногвардейцы, со своей стороны, спонтанно стремились их отобрать, были характерным признаком всех крупных столкновений в Петрограде 5 января.

Инциденты, подобные описанным выше, в которых никто не пострадал, стали прелюдией к нескольким более кровопролитным стычкам, случившимся примерно в том же районе позже. В период от полудня до заката северный конец Литейного проспекта, особенно в местах пересечения с улицами, ведущими к окрестностям Таврического дворца, фактически превратился в боевую зону, и блестевшие на солнце сугробы вскоре покраснели от крови демонстрантов. Так, остановленная баррикадой на Кирочной улице, толпа, по некоторым оценкам, из десяти тысяч человек, с пением и транспарантами, попыталась прорваться к Таврическому дворцу по Фурштатской улице,

но была остановлена красногвардейцами и солдатами в полном боевом снаряжении. Практически без предупреждения военные открыли огонь по толпе из винтовок и пулеметов. Стрельба продолжалась добрых четверть часа, в течение которых несколько демонстрантов были убиты и ранены (9).

Среди первых известных погибших был Г. Л. Логвинов, прибывший в Петроград из Тамбова по призыву старого ЦИК Советов крестьянских депутатов, чтобы принять участие в поддерживающем Учредительное собрание Всероссийском съезде Советов крестьянских депутатов (10). С большим красным знаменем в руках, он шел во главе одной из многих процессий, вышедшей с Марсова поля в начале второго. Достигнув баррикады на углу Литейного и Кирочной, он и его товарищи услышали окрик и приказ повернуть назад. Затем, почти тотчас же, из-за баррикады раздались винтовочные выстрелы, а с крыши ближайшего здания ударил пулемет. В этом инциденте, как сообщалось, пять человек были убиты (Логвинов, два студента и два работника Красного креста) и еще восемь — ранены (11).

Примерно в то же самое время колонна демонстрантов, двигавшаяся к Марсову полю с юга, от сборных пунктов у Царскосельского вокзала и Александринского театра (Московский район), на углу Садовой и Невского была обстреляна снайперами, засевшими в окрестностях здания Думы. Чуть позже примерно 15-тысячная толпа демонстрантов из юго-восточного Невского района, в рядах которой было немало рабочих Обуховского завода, фабрики Паля и других предприятий района, по дороге к Марсову полю остановилась на импровизированный митинг на Знаменской площади. Если в отдаленных районах города демонстрантов частенько встречали оскорблениями и улюлюканьем просоветски настроенные солдаты и рабочие (некоторые выходили с семьями), то в этом благополучном коммерческом районе их встретили радостными приветствиями. Эта процессия, возглавляемая духовым оркестром Обуховского завода, попала под обстрел дважды. Первый раз обошлось без потерь: патруль стрелял в воздух. Зато во втором инциденте, случившемся, как и большинство других кровавых инцидентов этого дня, в северной части Литейного проспекта, пострадали девять демонстрантов, семь из которых — серьезно (12).

Немногим более удачливыми оказались те участники шествия, которые попытались обойти эту зону по более дальним, боковым улицам. Например, несколько тысяч демонстрантов, пытавшихся приблизиться к Таврическому дворцу с юга по Преображенской улице, были остановлены солдатами в Саперном переулке. Приказав толпе поворачивать назад и получив отказ, военные открыли огонь, убив двоих и ранив одиннадцать человек (13). Примерно в это же время одна из самых больших процессий дня также попыталась обойти баррикады на Литейном с юга, на сей раз по Бассейной улице. Первые, предупредительные, выстрелы их не остановили. Но на пересечении Преображенской улицы и Гродненского переулка, откуда уже виднелись окрестности Таврического дворца, они попали под огонь окопавшихся в снегу красногвардейцев и были рассеяны. Несколько демонстрантов были убиты или получили серьезные пулевые ранения. Другие пострадали от грубого обращения со стороны военных (14).

К концу дня письменные жалобы с описанием некоторых из этих столкновений были направлены эсеровской и меньшевистской фракциям Учредительного собрания в Таврический дворец. Текст одной из них зачитал для протокола известный меньшевик Матвей Скобелев. «В 4 ч. дня, при проезде по Литейному проспекту, на углу Пантелеймоновской, я лично видел, как несколько групп красногвардейцев стреляли в толпу беззащитных людей, среди которых были солдаты, рабочие, женщины и дети... мирно шедшие к Таврическому дворцу заявить о нуждах своих, — говорилось в жалобе. — Стрелявшие действовали без всякого предупреждения и прямо в толпу. Я видел, как несли на носилках и везли на извозчиках раненых, видел одного солдата, двух рабочих и женщин» (15).

Хотя имеющиеся описания эпизодов со стрельбой 5 января не отличаются ни точностью, ни полнотой, ни последовательностью, ни даже абсолютной достоверностью, в сумме своей они позволяют судить об общих характерных чертах всех этих столкновений. Во-первых, очевидно, что общее число участников марша в поддержку Учредительного собрания было гораздо выше десяти тысяч, по оценкам советских властей, но значительно ниже ста тысяч, заявленных Союзом защиты Учредительного собрания. Во-вторых, хотя надежды советских властей на полный бойкот демонстрации рабо-

чими и солдатами не сбылись, они, тем не менее, составляли относительно незначительное меньшинство участников шествия. В-третьих, при очевидном нежелании участников процессий и их руководителей соблюдать запрет советских властей на демонстрации в окрестностях Таврического дворца, нет сведений о том, что кто-либо из них имел при себе оружие или проявлял признаки агрессии. Даже попав под обстрел, они не делали попыток оказать сопротивление нападавшим, а просто старались их обойти. И, наконец, последнее, что отличает эти столкновения, это шокирующая жестокость красногвардейцев, солдат и матросов. Они расстреливали демонстрантов из-за баррикад, из окон и с крыш домов, избивали их и, с удовольствием триумфаторов, ритуально уничтожали их знамена и транспаранты. Очевидно еще и то, что когда советским властям стало известно о кровопролитии и они оказались перед выбором: снять запрет на демонстрации возле Таврического дворца, отдать приказ о прекращении стрельбы или не делать ничего, — они выбрали последнее. Согласно докладу Свердлова, сделанному им на заседании Третьего Всероссийского съезда Советов 11 января, в ходе столкновений убит был 21 демонстрант. Поскольку эта цифра превышает ту, что была приведена в горьковской «Новой жизни» (газете, симпатизирующей Учредительному собранию), со ссылкой на данные петроградских больниц, полученные по окончании столкновений, скорее всего, она была ближе к истине (16).

* * *

Ближе к началу Учредительного собрания в зоне, непосредственно примыкающей к Таврическому дворцу, было выстроено еще одно военное оцепление. Народу здесь было немного, и все пространство перед дворцом — низким, вытянутым, бледно-желтого цвета зданием — было заполнено вооруженными красногвардейцами и солдатами, полевыми орудиями, пулеметами на оборудованных позициях, пулеметными лентами и ящиками с боеприпасами. Все ворота в кованом железном заборе, ограждавшем дворец, были закрыты (17). Из окон первого этажа, выходивших на подъездные аллеи, торчали пулеметные дула.

Около часа дня одни-единственные боковые ворота были открыты для пропуска делегатов, которых на входе тщательно проверяли матросы в бушлатах, крест-накрест опоясанных пулеметными лентами. Также войти внутрь было позволено многочисленным гостям — в основном делегированным от предприятий и воинских частей рабочим, солдатам и матросам, многие из которых имели при себе винтовки со штыками и были увешаны гранатами и прочей амуницией. Одними из первых — в полном составе, сразу после утреннего заседания фракции — прибыли эсеры. Шагая по шестеро в ряд, делегаты щеголяли отличительными бантиками-розетками и несли в руках свечи и свертки с бутербродами. Примерно половина из них была облачена в деловые костюмы, а сверху, чтобы уберечься от мороза — в тяжелые шубы и галоши. Другую половину составляли крестьяне в грубых овчинных полушибаках и валенках. Николай Святицкий впоследствии заметил, что такие лица, какие были у его коллег, он прежде «видел у приговоренных» (18). А Владимир Зензинов позже вспоминал: «[Когда] мы входили в здание... мы были убеждены, что большевики произведут насилие над Учредительным собранием, многие из нас были уверены, что не вернутся живыми домой» (19).

На входе в нарядный Белый зал дворца — просторный, окруженный галереей амфитеатр под стеклянным куполом — делегатов встретила еще одна группа красногвардейцев, какое-то время не пропускавшая никого внутрь. Бывший зал заседаний царской Государственной Думы после Февральской революции служил местом проведения первых национальных конференций и съездов Советов. Для Учредительного собрания он был заново декорирован и предстал делегатам увешанный черными транспарантами — «как будто для похорон», как выразился Зензинов. Цвет, вероятно, был выбран советскими властями сознательно, чтобы усугубить образ Учредительного собрания как реакционного учреждения. Эсеровской делегации, несмотря на статус большинства, отвели для совещаний заднюю комнату. Всю минувшую ночь и утро эсеры провели, оттачивая свою программу первого дня. Из партийной платформы было выброшено все лишнее, а закон о мире и аграрная реформа были сжаты до размеров конспектов, чтобы не тратить много времени на представление и принятие (20). Делать было решительно нечего, поэтому

эсеровские делегаты сновали бесцельно по коридорам, нервно досадуя на свою беспомощность и прислушиваясь к подчас истерическим рассказам очевидцев о творящемся на улице кровопролитии.

Гораздо более скромная большевистская делегация прибыла после эсеров и сразу удалилась на совещание в отведенную ей просторную гостиную, светлую от искрящегося за окном снега (21). Какие-либо записи с заседаний большевистской фракции Учредительного собрания, включая совместное заседание с левыми эсерами (22) и долгое отдельное совещание перед официальным открытием Собрания, никогда не публиковались и следов их в российских архивах не найдено. Мемуарные источники показывают, что хотя Ленин и присутствовал на совещании, председательствовал на нем Свердлов. Позиции умеренных большевиков были ослаблены отсутствием Каменева, который в составе российской делегации принимал участие в мирных переговорах с Германией в Брест-Литовске. Утверждение советских источников о том, что совещание прошло быстро и гладко, опровергает тот факт, что длительная задержка с открытием Учредительного собрания была вызвана именно затянувшимся дальше положенного совещанием большевиков. Совещание началось с обсуждения повестки дня и механизма работы Учредительного собрания. Есть основания полагать, что обсуждались фракцией и фундаментальные вопросы, касающиеся роли Учредительного собрания и отношений между ним и Советской властью. Из-за трудностей со связью, а еще больше из-за того, что позиция Ленина помешала умеренным большевикам созвать общенациональные съезды партии в ноябре и декабре, у партийных руководителей в масштабах страны просто не было возможности обсудить тактику подхода к Учредительному собранию раньше. Многие большевистские делегаты из провинции явились на совещание прямо с вокзала, и никто не затруднился заранее поставить их в известность о последних изменениях в политике партии по отношению к Учредительному собранию, не говоря уже о том, чтобы предварительно обсудить с ними эти изменения (23). Кроме того, присутствие на совещании таких независимо-мыслящих фигур, как Рязанов и Лозовский, которые наверняка попытались бы оспорить позицию Ленина, делало дискуссию неизбежной. Судя по воспоминаниям Раскольникова, на долгую жизнь Учредительного собрания рассчитывали, по крайней мере,

несколько большевистских делегатов. Он отмечает, что Бухарин, который к тому времени уже оставил свою идею о самостоятельном революционном конвенте, насмехался над ними и говорил о трехдневном сроке как максимально возможном для Учредительного собрания (24).

В какой-то момент левые эсеры, которые заседали отдельно, передали большевикам свою просьбу внести некоторые изменения в Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа. В чем именно состояли эти изменения, неизвестно, однако резонно предположить, что они касались того, что больше всего тогда волновало левых эсеров, а именно, как сделать Декларацию более привлекательной для теоретически еще готовых поддержать ее эсеровских крестьянских делегатов и отсрочить роспуск Учредительного собрания, с тем чтобы оно успело дискредитировать себя. Так или иначе, но левоэсеровские поправки были отвергнуты. После того как Свердлов зачитал Декларацию, нарочно составленную так, чтобы избежать компромисса и спровоцировать решительный разрыв с Учредительным собранием уже в самом начале, идея о том, чтобы дать ему просуществовать, по крайней мере, до начала Третьего Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов, была отброшена за ненужностью (25). Теперь было решено, что Свердлов, действуя от имени ВЦИКа, включит Декларацию, в качестве предложения для немедленного принятия, в свою официальную речь при открытии Учредительного собрания. После того как Декларация будет проигнорирована, в чем никто не сомневался, большевики (и, как они надеялись, левые эсеры) быстро покинут Собрание, чтобы лишить эсеров, с их новой, «викжелистой», программой, возможности пробить бреши в массовой поддержке Советской власти (26).

* * *

Около половины четвертого двери в Белый зал были открыты, а полчаса спустя снова закрыты, после того как все четыреста делегатов разместились на отведенных им местах: большевики — в крайнем левом секторе, меньшевики и эсеры — в крайнем правом, левые

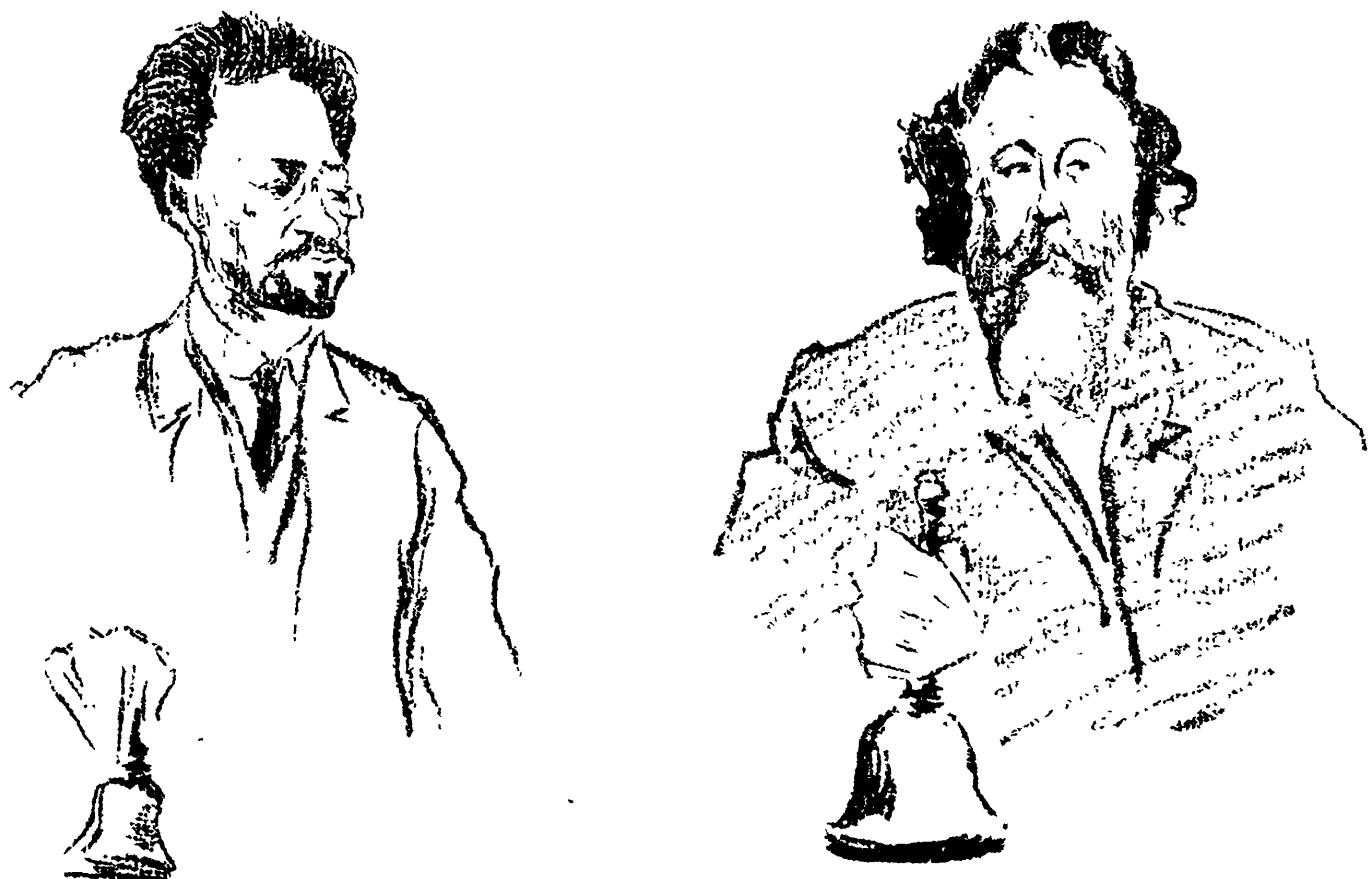
эсеры — посередине, разделенные островком в центре зала (kadety отсутствовали). С одной стороны были большевики, прижавшие своих умеренных и твердо намеренные следовать заготовленному сценарию, и левые эсеры, преданные идеи превосходства Советов над Учредительным собранием. С другой — эсеровское большинство, настроенное приступить к созданию нового демократического порядка и в тот же день принять законы о мире, о земле и о будущем политическом устройстве России, как будто бы Советского правительства не было вовсе.

Левоэсеровские делегаты Учредительного собрания в Белом зале Таврического дворца, 5 января 1918 г. Внизу, в центре — Мария Спиридонова, справа от нее — Прош Прошьян
Государственный музей политической истории России, Санкт-Петербург.

Это полярное расхождение во взглядах на Учредительное собрание и стратегическая слабость эсеровского большинства в сложившейся ситуации проявились уже в самом начале, в столкновении по поводу того, кто будет открывать Собрание. Эсеры, естественно, были намерены контролировать ход заседаний от первого звонка. Что касается большевиков и левых эсеров, то и они, считая себя представителями единственной законной революционной власти

в России, а Учредительное собрание в его нынешнем виде — не более, чем анахронизмом, также стремились с самого начала взять его под свой контроль.

Яков Свердлов и Сергей Швецов на открытии Учредительного собрания *Рис. Ю. К. Арцыбушева*

В общем, ровно в четыре часа старейший из присутствующих делегатов, бывший народник и земец с Дона, а ныне правый эсер, Сергей Шевцов, следуя инструкциям своей фракции и пользуясь отсутствием Свердлова, поднялся на трибуну и попытался призвать делегатов к порядку. Правые ряды зааплодировали, в то время как большевики и левые эсеры разразились криками протesta, устремились к трибуне и скрыли из виду несчастного Шевцова. В этот момент как раз появился Свердлов, который оттеснил Шевцова в сторону, взял в руки блестящий председательский колокольчик и решительно позвонил. В зале случилась потасовка среди делегатов, сидящих по разные стороны от островка. Бонч-Бруевич, который выполнял обязанности ленинского секретаря, вспоминал, что в этот

момент всеобщего хаоса, когда казалось, что Учредительное собрание вот-вот выйдет за рамки управляемости, Ленин был взволнован и бледен, как никогда (27). Наконец, среди всего этого невообразимого гвалта: оглушительные вопли и оскорблений справа, громоподобные аплодисменты слева и рев одобрения с рабоче-солдатской галерки, — Свердлову, который возвышался на трибуне, «как мраморный монумент», удалось каким-то образом улучить минуту тишины, чтобы открыть Собрание (28). Не имевшему возможности оказать физическое сопротивление, эсеровскому большинству ничего не оставалось, как принять такое неудачное для себя начало.

Неудивительно, что, начавшись с таких неподобающих сцен, история первого в России Учредительного собрания оказалась бурной и недолгой. Поспешив воспользоваться своим временным председательством, Свердлов зачитал Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа и предложил, от имени ВЦИКа, сделать ее рассмотрение первым пунктом повестки дня (29). Когда он закончил, левые ряды, по-видимому, по указанию Ленина, громко запели «Интернационал». Даже правые эсеры были вынуждены сделать вид, что подпевают (30).

После музыкальной паузы эсеры, решившие избегать нежелательных провокаций до момента изложения собственной программы, не стали делать замечаний по поводу Декларации. Затем они одержали пиррову победу, когда Виктор Чернов выиграл у Марии Спиридоновой право председательствовать в Собрании. Большевики выдвинули Спиридонову, надеясь, видимо, сделать уступку левым эсерам, полагавшим, что поданные за нее голоса крестьянских делегатов помогут перевесить эсеровское большинство. Как бы то ни было, результаты голосования: 244 голоса за Чернова, 153 — за Спиридонову (31), — точно передавали соотношение сил между соперничающими сторонами.

К моменту, когда Чернов начал свою программную речь, стемнело, и в зале включили электрический свет (зря, оказалось, эсеры приносили свечи). В самых общих чертах он обрисовал амбициозную программу реформ, которая весьма напоминала предоктябрьскую платформу большевиков — вплоть до настойчивых призывов от слов поскорее перейти к делу (32). («Акробатические упражнения на лозунгах большевиков», как выразился Огановский (33).) Тща-

тельно избегая прямой критики в адрес большевиков или Советов, чем еще больше возмутил тех, кто только что проголосовал за него, Чернов указал на, по сути, социалистическое Учредительное собрание революционной России как на единственный в мире орган, обладающий авторитетом и властью, для того чтобы созвать международную мирную конференцию для немедленного заключения всеобщего, справедливого и демократического мира. Во имя интересов уставших от войны российских войск, он призвал к организации совершенно новой, революционной, добровольной армии, которая сменит солдат на фронте и защитит страну, в то время как та приступит к реформированию отживших институтов и образов жизни. В связи с хаосом в промышленности и растущей безработицей, усугубленной начавшейся демобилизацией войск, Чернов предложил развернуть грандиозную программу общественных работ и ввести временный государственный контроль за производством — до тех пор пока рабочие не станут достаточно квалифицированными, чтобы взять его в свои руки. В области национальной политики Чернов — после того как методично отдал дань уважения каждой из присутствовавших национальных делегаций — нарисовал картину будущей свободной ассоциации равноправных, полунезависимых народов и территорий, составляющих Российскую Федеративную Республику. Внутри нее сеть национальных учредительных собраний и местных органов самоуправления, рука об руку с Всероссийским Учредительным собранием, будет работать над созданием новой политической системы, защищающей права меньшинств и отвечающей чаяниям народа.

В наиважнейшем земельном вопросе Чернов пообещал провести немедленное и безвозмездное перераспределение всех земель в пользу «трудящегося крестьянства». Кроме того, ловко воспользовавшись заявлениями советских властей о непредставительном составе Учредительного собрания и даже сославшись на ленинские попытки «косовременить» его в свое время путем перевыборов, Чернов предложил либерально прибегнуть к плебисцитам, чтобы убедиться, что действия Учредительного собрания совпадают с народной волей. В частности, он предложил большевикам немедленно провести общенациональный плебисцит по вопросу отношения на-

рода к Учредительному собранию, если у них имеются сомнения в его праве выражать волю народа (34).

Хотя речь Чернова представляла собой призыв к единству демократических сил, к компромиссу и окончанию гражданской войны, в ней ничего не было сказано о союзе с кадетами или другими либеральными группами. Подспудно предполагалось, что если в революционной России господствующей силой является социализм, это означает, что эпоха Советов подошла к концу и пришел черед эпохи институтов, которые создаст Учредительное собрание.

С точки зрения левого эсера Сергея Мстиславского, речь председателя Собрания была «по-черновски» витиеватой, тщательно, «состишками и цитатками» закрученной, но при этом «тягучей и монотонной» (35). Правые эсеры были возмущены тем, что Чернов размыл границы между их партией и большевиками. Проанализировав его речь, западный историк партии эсеров Оливер Рэдки пришел, впрочем, к совсем иному выводу. По его мнению, Чернов сослужил своей партии огромную службу тем, что сделал ее законодательные предложения достоянием гласности, что давно уже нужно было сделать (36). Возможно, и так. Но суть в том, что теперь, когда умеренные большевики ушли в тень, и партия большевиков находилась под контролем ленинистов, это уже не имело значения. Не успел Чернов закончить, как большевистские члены Совнаркома потихоньку выскользнули из зала, собирались в приемной и еще раз подтвердили свое намерение покончить с Учредительным собранием в тот же день (37).

В отсутствие Троцкого, который находился на пути из Бреста в Петроград, и Ленина, который предпочитал дирижировать процессом из-за кулис, отвечать Чернову выпало тридцатилетнему Бухарину (38). В своей резкой и пылкой речи, которая длилась почти так же долго, как черновская, он потребовал немедленно принять Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа. Он утверждал, что хотя с высокими целями, обрисованными Черновым, не поспоришь, суть проблемы не в них, а том, какие классы будут находиться у власти во время их осуществления. Опыт Временного правительства ясно показал, что в любом правительстве, находящемся под контролем умеренно-социалистических партий, решающее слово будет за крупной буржуазией, а, значит, в любой из затронутых Чер-

новым областей власть Учредительного собрания способна привести лишь к новому закабалению рабочих и крестьян, ничуть не отличающемуся от их прежнего рабства при царизме. Что действительно нужно революционной России, настаивал Бухарин, так это не гражданский мир, насаждаемый правительством национального единства, которое собирается создать Учредительное собрание, а единственno советская диктатура рабочих и крестьян, которую предлагает Декларация, представленная Свердловым (39).

После Бухарина выступил Николай Пумянский, который представил план работы Собрания, разработанный эсеровским комитетом первого дня (40). Чтобы поскорее довести до собравшихся свою позицию, комитет предложил Собранию еще до перерыва предпринять предварительные шаги в отношении центральных вопросов революции, начав с вопросов о мире, земле и форме государственного устройства. В ответ нарком юстиции, левый эсер Штейнберг потребовал, чтобы Учредительное собрание прекратило ходить вокруг да около и рассмотрело, наконец, и одобрило Декларацию Свердлова. «Все вопросы, стоящие перед революцией, уже были намечены, проводятся и осуществляются каждый час существующей властью Советов, — сказал он. — Учредительное собрание, которое хочет слить свою волю с волей Советов трудовых масс, не может обойти первой своей обязанности — приступить немедленно к обсуждению и принятию Декларации Ц.И.К.» (41).

После Штейнberга на трибуну поднялся грузинский меньшевик, один из лидеров меньшевистской партии Ираклий Церетели. Ветеран российского социал-демократического движения, обладатель галантных манер и умения ясно излагать свои мысли, Церетели был членом в революционных кругах как жертва печально-известной столыпинской атаки на Вторую Государственную Думу в июне 1907 г. Освобожденный из сибирской ссылки в результате Февральской революции, в 1917 г. он был, без преувеличения, самой авторитетной фигурой в умеренно-социалистическом руководстве Советов, наиболее влиятельным сторонником сотрудничества с либералами и непримиримым противником большевизма. Как вспоминал Мстиславский, это был «один из немногих в стане идейных противников наших, [который]... всегда бился честно» (42). В основном из-за своей прямоты и откровенной враждебности к большевизму, а так-

же, возможно, из-за того, что, помимо Чернова, другие известные «оборонцы» либо сидели в тюрьме, либо скрывались, Церетели выступал в роли главного врага Советской власти. Его появление на трибуне вызвало неистовство в левом секторе и на галерке (43).

Шум и ярость толпы Церетели ничуть не испугали. Похоже, он даже черпал вдохновение в них. Предыдущие умеренно-социалистические ораторы, по примеру Чернова, сознательно избегали прямого столкновения с большевиками. Оправдывая эту стратегию, Огановский писал: «Мы должны сперва “окопаться” в Таврическом, а потом уже пойдем в атаку» (44). Прямодушный Церетели ничего подобного делать не собирался. Отметая как смехотворную идею о том, что Учредительное собрание должно просто слепо одобрить Советскую власть, он настаивал на том, чтобы для начала делегатам привели хотя бы один аргумент, подтверждающий, что советская политика в том или ином вопросе дала положительные результаты. Находясь более двух месяцев у власти, говорил он, большевики все еще пытаются списать все проблемы на саботаж буржуазии и делают все возможное, чтобы задушить вполне оправданную критику в свой адрес.

В ответ на крики слева: «Вы ввели смертную казнь!» — Церетели признал: «Быть может, мы много ошибались, быть может, наши шаги были чем-то худшим, чем ошибка... но мы в то время, когда делали политику, умели бесстрашно на каждый запрос ответить и обосновать свои действия» (45). Впрочем, основную массу выкриков с места и оскорбительных замечаний в адрес политики Временного правительства Церетели оставил без внимания и смело обрушился с критикой на то, что считал главными провалами советской политики. «Вы, которые обещали хлеба всему населению, можете ли вы, положа руку на сердце, сказать, что Петроград гарантирован от голода в ближайшие недели? — вопрошал он. Вы дали землю народу, — констатировал он, — но те вести, которые приходят из деревни... вселяют в вас уверенность, что именно беднейшее крестьянство обзавелось землей... завоеванной революцией?» «И... в области внешних отношений, довольны ли вы положением дела?» — допытывался он. Ведь если не придут те внешние силы, на которые сделана «азартная ставка», «не поставлено ли дело так, что погибнет на долгие годы не только дело социализма в России, но и дело укреп-

ления и утверждения элементарных начал демократизма в России?» «Считаются ли [немцы] с вами... как обязаны были бы при всяких условиях считаться с общенародной, общепризнанной властью, не основывающейся на затягивании гражданской войны?» (46).

Всякий раз, когда его пытались перебить или сбить с толку, Церетели успевал парировать замечания и возвращал внимание аудитории к исходной теме. Так, когда кто-то из наиболее докучливых делегатов насмешливо крикнул, в пику его замечаниям о слабости советской позиции в мирных переговорах: «Неужели Керенского позвать?» — Церетели тут же отреагировал: «Пусть Керенский хуже вас, но это не доказывает, что вы лучше Учредительного собрания. Вы не с Керенским, не с Церетели ведете борьбу в настоящую минуту — вы ведете борьбу с организованной общенародной волей» (47).

В конце своей речи Церетели, как и Чернов, заявил, что не видит в будущем сотрудничества вне пределов демократии (причем для обоих это означало существенный разрыв с их позициями в 1917 г.). При этом, по мнению Церетели, буржуазия в России была слишком слаба, чтобы представлять угрозу революции. Настоящую опасность для революции он видел в расколе в рядах демократии, вызванном большевиками. Единственной гарантией окончания хаоса и выполнения поставленных революцией задач было, по его мнению, единство «всех ответственных элементов демократии» в Учредительном собрании.

Меньшевистская позиция, подразумевающая ключевую роль Учредительного собрания в создании демократического государства нашла воплощение в официальной декларации партии «О задачах Учредительного собрания», которой Церетели завершил свое выступление. Реформы, на которых настаивала декларация, кое в чем совпадали с теми, что предлагали эсеры. Однако, в отличие от эсеровской программы, программа меньшевиков напрямую бросала вызов Советской власти. Откровенно заявив о неприятии основных положений Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа, она прямо призвала российских рабочих отвергнуть советскую диктатуру и грудью встать на защиту неограниченной власти и авторитета Учредительного собрания. Не Учредительное собрание должно быть опорой Советской власти, как утверждал в начале декабря Ленин, и продолжают утверждать многие лидеры левых эсеров,

а Советы и другие организации рабочего класса должны превратиться в надежные бастионы поддержки Учредительного собрания (48).

Мощная речь Церетели вызвала широкий резонанс и заслужила лестные отзывы даже от его противников. Мстиславский позже вспоминал, что «из сказанных в этот день в стенах дворца речей речь Церетели была, несомненно, лучшей и по силе, и по искренности, и по содержательности». «Благородный, истинный народный трибун показывает себя во всей красоте», — такова была оценка Огановского. Американский журналист и социалист Альберт Рис Уильямс вспоминал, что как только Церетели начал говорить, его коллега, американская журналистка Луиза Брайант шепнула на ухо своему мужу Джону Риду (все трое сидели рядом на галерее): «У него такой величественный вид» (49). Похоже, даже Ленин невольно отдал Церетели своеобразную дань уважения. По сведениям коллеги Церетели, меньшевика Юрия Денике, когда несколько дней спустя в Петрограде группой пьяных матросов и красногвардейцев были убиты два лидера кадетов (Федор Кокошкин и Александр Шингарев), Ленин через посредников передал Церетели совет вернуться в более безопасную Грузию (50).

Как только Церетели покинул трибуну, делегаты, сидящие в правом секторе и в центре, устроили овацию — это был момент их триумфа. Чуть позже Зензинов попросил принять решение по повестке дня, предложенной Пумпянским, и попытался обосновать необходимость принятия решений о мире и земле прежде рассмотрения вопроса о форме власти. Цель его была ясна: он хотел добиться принятия эсеровской программы мира и аграрной реформы до решающей схватки с большевиками и левыми эсерами по поводу Советской власти. Московский большевик Иван Скворцов-Степанов, бывший редактор «Социал-демократа», заявил, что его партия не будет представлять другой декларации, кроме уже представленной Свердловым Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа. Однако, к удивлению большинства делегатов, левые эсеры не последовали примеру большевиков. Вместо этого на трибуну поднялся, ковыляя на костылях, пожилой крестьянин из дальневосточной Амурской области по имени Федор Сорокин (51), который зачитал отдельную левоэсеровскую декларацию — и это при том, что левые эсеры, как и большевики, твердо пообещали поддержать вциковскую Деклара-

цию (52). По ряду ключевых позиций декларация Сорокина совпадала с Декларацией прав трудящегося и эксплуатируемого народа. Она безусловно признавала легитимность Октябрьской революции и Советской политической системы и отвергала всякие претензии на независимую власть со стороны Учредительного собрания. Но, вместо того чтобы потребовать от Учредительного собрания немедленного самороспуска, она прочила ему долгую вспомогательную роль в революционной реконструкции под руководством Советов.

Эта разница между двумя декларациями, возможно, просто отразила все еще бытовавшие среди более умеренной части левых эсеров возражения против немедленного насильтственного распуска Учредительного собрания — возражения, вытекавшие, во-первых, из их убеждения, что достаточно дать Учредительному собранию шанс, и оно само быстро дискредитирует себя; во-вторых, из предпочтения, отдаваемого ими (в отличие от более радикально настроенных левых эсеров типа Прошляна) такому естественному, мирному ходу событий, и, в-третьих, из их желания (в резонности которого они могли успеть убедить большинство фракции) обособить себя от тех жестких, диктаторских тенденций, которые, по их мнению, были присущи большевикам. Желание обособиться в самостоятельную общность могло также стать причиной особого внимания, которое в представленной Сорокиным декларации было уделено правам человеческой личности. Так, декларация самым решительным образом ратовала за освобождение людей, посвятивших себя полезному и созидательному труду, за право таких личностей на реализацию своего потенциала, а также за их право на достойные условия жизни и социальную помощь в случае нужды (53). При этом в разделе о правах человека сорокинской декларации отсутствовала жесткая классификация людей, вне зависимости от их поведения, на неизменно хороших и неизменно плохих, что подразумевалось в Декларации ВЦИКа и в ленинизме вообще.

Но, возможно, самым интересным аспектом выступления Сорокина оказались его личные замечания, сделанные им после того, как он закончил читать декларацию. Под громогласное одобрение спра-ва и взрыв протesta слева, он намеренно отказался проводить четкую черту между двумя сторонами, недвусмысленно заявив, что все крестьянские делегаты Учредительного собрания, *вне зависимости*

от партии, приехали в Петроград с наказами добыть землю и свободу. Только выполнив эти наказы, они смогут вернуться в родные деревни с честью. «В этом отношении, — заявил он, — у нас, у крестьян, никакой разницы нет. Мы все здесь одинаковы — и правые, и левые». И добавил: «Последний призыв и последняя моя просьба к вам, крестьянам: те наказы и приказы мы выполним в точности». Это его заявление было воспринято большинством как твердое намерение решить земельный вопрос в стенах Учредительного собрания, а значительным числом его однопартийцев, не говоря уже о большевиках, как «саботаж» (54). Как бы то ни было, сорокинская декларация и его замечания внезапно спровоцировали активную дискуссию среди крестьянских делегатов по эсеровскую и левоэсеровскую сторону от срединного островка и возродили надежду на возможность компромисса (55).

В имеющихся источниках сведений о дискуссии по поводу выступления Сорокина в Учредительном собрании или на заседаниях партийных фракций, которые начались вскоре после того, как он закончил, не сохранилось. О том, что личные замечания Сорокина поставили левоэсеровское руководство в неловкое положение, говорит тот факт, что о них даже не было упомянуто в подробном сообщении о заседании Учредительного собрания, опубликованном в «Знамени труда» (56). Были ли его замечания об общности, существующей между крестьянскими делегатами, несмотря на партийную принадлежность, всего лишь спонтанным откровением, отразившим страстные мечты миллионов крестьян о мире и земле и уставших от фракционной борьбы? Или за этим скрывалось нечто большее? Ответить невозможно. На голосование были поставлены только два предложения из представленных на заседании: Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа, безоговорочно одобряющая Советскую власть и ее политику, и программа комитета первого дня, представленная Пумпянским, — полностью игнорирующая Советы, подразумевающая, что Учредительное собрание есть верховная политическая власть в России, и призывающая немедленно рассмотреть эсеровское законодательство о мире, о земле и о государственной власти, основанное на этом убеждении. Ни впечатляющая речь Церетели, ни замечания Сорокина на разрыв в численном соотношении между двумя главными соперничающими сторонами

не повлияли. Большинством в 237 голосов против 146, без обсуждения было принято предложение Пумпянского (57).

Сразу после голосования, сначала эсеры, затем большевики потребовали сделать перерыв — по выражению Мстиславского, не столько для того чтобы решить, «что делать... но для сговора о том, как сделать, т. е., каким порядком уходить» (58). Сведений о том, как проходили совещания левоэсеровской и большевистской фракций, имеется очень мало. Согласно сообщению в «Новой жизни», предложение большевиков уйти немедленно, вызвало стойкое сопротивление крестьянских делегатов левоэсеровской фракции, которые заявили, что их избиратели не поймут, почему нужно было покидать с Учредительным собранием только из-за того, что оно не захотело обсуждать вциковскую декларацию в первую очередь. Дебаты по этому вопросу были острыми. Некоторые из крестьянских делегатов пригрозили, что останутся на своих местах, если предложение большевиков будет принято фракцией. В конце концов, был достигнут компромисс, согласно которому Штейнберг должен был предложить собранию, в ультимативной форме, рассмотреть только один вопрос из Декларации — вопрос о мире. Если этот ультиматум не будет принят, вся левоэсеровская фракция покинет Собрание (59).

На совещании большевистской фракции решающим влиянием явно пользовался Ленин, который почти все предыдущие восемь часов провел, наблюдая за происходящим на трибуне Учредительного собрания из занавешенного помещения на галерее, скрытый от глаз публики, тайно совещаясь то с Совнаркомом, то с ЦК (60). Повлияло ли увиденное и услышанное им: реформистский путь, предложенный Черновым и Пумпянским, или подчеркнутое Сорокиным нежелание крестьянских депутатов делиться по партийному признаку, — на его решимость покончить с Учредительным собранием без промедления? Снова мы не можем ответить. Руководство партии приложило чрезвычайные усилия, чтобы сделать это совещание фракции тайным и закрытым для посторонних. Прежде чем начать, всех попросили покинуть комнату, отведенную для заседаний большевиков, впустив обратно, после тщательной проверки мандатов, только членов фракции (61). Все, что можно почерпнуть из имеющихся источников, это то, что Ленин прибыл на совещание воинст-

венно настроенный и, от имени ЦК, потребовал немедленного ухода большевиков и роспуска Учредительного собрания в конце дня.

Трудно поверить в то, что все участники совещания согласились с этой стратегией. Те же Рязанов и Лозовский, оба — члены фракции, скорее всего, выступили против. Однако, в конечном итоге, предложения Ленина были приняты. Раскольникову и Ломову, членам фракции от Кронштадта и Москвы, соответственно, было поручено вернуться в зал и зачитать заявление большевиков об уходе. Написанное Лениным, заявление это было представлено фракции уже в отпечатанном виде (62). Было решено, что фракция целиком возвращаться в зал заседаний не будет — якобы для того, чтобы избежать возможной потасовки. По свидетельству Раскольникова, после совещания его и присутствовавших членов правительства позвали в министерское крыло дворца на спешное заседание Совнаркома. Он вспоминал, что на этом заседании Ленин предложил, и все с ним согласились, что оставшихся делегатов ни в коем случае не следует разгонять силой, а дать им возможность «выболтаться», говоря словами Ленина, «и свободно разойтись по домам», после чего уже обратно в дворец не пускать (63).

Тем временем, около часа ночи Учредительное собрание, наконец, возобновило работу после перерыва. В отсутствие большевиков и левых эсеров, делегаты приступили к обсуждению первого пункта повестки дня Пумпянского — вопроса о мире. Дискуссия по этому вопросу постоянно прерывалась различными чрезвычайными заявлениями: украинского эсера Афанасия Северова-Одоевского — о конфликте между украинскими националистами и Советами по вопросу о будущем Украины; крестьянина-эсера из Воронежа — о требовании крестьян немедленно решить вопросы о мире и земле; и, наконец, Раскольникова — об уходе большевиков (64).

Во время предыдущих заявлений в зале не прекращались разговоры и движение: делегаты и зрители реагировали на ход дискуссии, болтали между собой или выходили в буфет за чаем. Однако, с появлением Раскольникова на трибуне, все внезапно стихло, так как пустые места большевиков безошибочно указывали на то, зачем он здесь. Несколько любопытных большевиков столпились в дверях, силясь услышать, как Раскольников зачитывает ленинское заявление об уходе фракции:

Громадное большинство трудовой России — рабочие, крестьяне, солдаты — предъявили Учредительному собранию требование признать завоевания великой Октябрьской революции... и прежде всего признать власть Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов... Большинство Учредительного собрания, однако, в согласии с притязаниями буржуазии, отвергло это предложение, бросив вызов всей трудащейся России... Не желая ни минуты прикрывать преступлений врагов народа, мы заявляем, что покидаем это Учредительное собрание, с тем, чтобы передать Советской власти окончательное решение вопроса об отношении к контрреволюционной части Учредительного собрания (65).

Последние слова Раскольникова потонули в яростном взрыве негодования со стороны эсеров. «Чепуха!», «Ложь, ложь!», «Болван!», «Погромщики!» — кричали они, в то время как левые эсеры и галерка бурно аплодировали (66). В последовавшей неразберихе какой-то матрос из охраны поднял винтовку и, прицелившись в додорную фигуру эсеровского делегата из Москвы Осипа Минора, спустил бы курок, если бы не был остановлен в последнюю секунду более здравомыслящим товарищем (67). В следующее мгновение левоэсеровские делегаты уже крутили руки своему коллеге — молодому импульсивному украинцу Василию Феофилактову, который готов был с помощью «браунинга» заткнуть рот крикуну из соседнего правоэсеровского сектора (68). После того как удалось восстановить подобие порядка, еще один крестьянский делегат и бывший депутат Государственной думы, Лавр Ефремов, обратился к большевикам и левым эсерам, умоляя не бросать Учредительное собрание до тех пор, пока чаяния народные не будут реализованы. Кто, кроме Учредительного собрания, сможет осуществить наши мечты, кто сможет положить конец гражданской войне? — кричал он в отчаянии (69).

Затем Штейнберг, следя инструкциям своей фракции, потребовал, чтобы делегаты немедленно высказались по поводу Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа. Свое требование он аргументировал тем, что отказ большинства Учредительного собрания даже обсуждать Декларацию, в угоду программы Пумпянского, может быть воспринято как знак того, что оно выступает против

Советов и имеет намерение создать свою собственную власть, направленную против завоеваний революции. В то же время, заявил Штейнберг, позиция большинства не была изложена достаточно ясно, чтобы этот вопрос можно было бы закрыть. Поэтому его фракция объявляет ультиматум: либо Учредительное собрание откладывает программу эсеров и выражает солидарность с Советской властью и достижениями Октября, немедленно приступив к обсуждению той части Декларации ВЦИКа, которая связана с решением вопроса о мире (как раз обсуждаемого), либо левые эсеры и весь русский народ окончательно убеждаются в контрреволюционном характере Собрания и его намерений, а также в необходимости дистанцироваться от него (70).

Хотя руководство эсеровской фракции осознавало всю важность немедленного заключения мира, оно, естественно, не желало уступать ультиматуму Штейнberга, который, как признавал сам Штейнберг, де-факто означал признание Советской власти. Вскоре после того, как это стало ясно, около четырех часов утра 6 января, левые эсеры последовали за большевиками. Как и большевики, они мотивировали свой уход непредставительным составом Учредительного собрания и его нежеланием принимать Советскую власть. Как говорилось в заявлении фракции, которое зачитал с трибуны Карелин, в то время как левые эсеры, один за другим, шли к выходу: «Мы идем для того, чтобы наши силы, нашу энергию принести в советские учреждения... [чтобы] в настоящий решительный момент великой российской революции... все отдать на пользу трудящихся классов, на то, чтобы принести под этим красным знаменем революции победу трудящимся» (71).

После того как последний левый эсер покинул зал, шум и гам на балконах стали нестерпимыми. Зрители перелезали через барьеры, занимали опустевшие места в левой части зала, и крики «хватит», «долой вас всех!» мешались с лязгом штыков и клацанием передергиваемых затворов. Изо всех сил пытаясь преодолеть чудовищный шум, Чернов начал торопливо зачитывать проект резолюции по земельному вопросу — продукт нескольких недель упорного труда эсеровской земельной комиссии, составленной из ведущих агрономов страны. Когда он дошел до середины, его похлопал по плечу начальник охраны дворца — как стало известно позже, это

был уже успевший обрести сомнительную славу кронштадтский матрос, анархист-коммунист Анатолий Железняков. «Я получил инструкцию, чтобы довести до вашего сведения, — заявил Железняков, — чтобы все присутствующие покинули зал заседания, потому что караул устал» (72). Под крики одобрения с галерки, Чернов попытался возразить, что «все члены Учредительного собрания также очень устали, но никакая усталость не может прервать оглашения того земельного закона, которого ждет Россия». И добавил: «Учредительное собрание может разойтись лишь в том случае, если будет употреблена сила» (73).

После этого оставшиеся двести или около того делегатов продолжили заседание, но, по понятным причинам, темп его ускорился. Представитель украинских эсеров, оскорбленный наглостью Железнякова, объявил, что его фракция из восьмидесяти человек, в знак протеста, переходит от поддержки Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа в вопросах о мире и земле к поддержке аналогичных эсеровских резолюций. Затем все проекты законов, подготовленные для рассмотрения в первый день, были поспешно поставлены Черновым на голосование. В пакет вошли проекты эсеровских резолюций по мирному вопросу, аграрная программа и постановление об объявлении России «федеративной республикой» (74). Все эти предложения были одобрены единогласно, без прений. При этом измученные депутаты изо всех сил старались зафиксировать свои намерения в протоколе, т. е., в определенном смысле, на бумаге добиться того, чего они не сумели сделать за семь месяцев совместного правления с кадетами. Как позже пояснял правый эсер, юрист Марк Вишняк, «надо было уже первое заседание непременно закончить так, чтобы после него что-нибудь осталось» (75).

Наконец, около пяти часов утра 6 января первое заседание Учредительного собрания было объявлено закрытым, и делегатам, к вящему удивлению многих из них, было позволено разойтись по домам. Подгоняемые морозом, под нестройный перезвон церковных колоколов, единственно нарушающий тишину раннего петроградского утра, Святицкий и его товарищ по эсеровской партии осмысливали события минувшего дня. «Ну, мы еще посмотрим. Это еще не конец», — мрачно решили они. Вспоминая этот момент десять

лет спустя, Святицкий отметил, что в ту ночь Учредительное собрание умерло — и причина была не в том, что у его сторонников не хватило мужества умереть вместе с ним, и не в том, что так пожелали матросы, а «в том равнодушии, с каким отнесся народ к нашему разгону и которое позволило Ленину махнуть на нас рукой: «Пусть себе расходятся по домам!» (76).

* * *

Позже днем 6 января факт роспуска Учредительного собрания был официально признан Совнаркомом и подтвержден ВЦИКом. На том же заседании Совнаркома был одобрен еще один комплект ленинских тезисов об Учредительном собрании. Вошедшие в декрет, подготовленный для утверждения ВЦИКом, тезисы эти одобряли роспуск, обосновывая его тем, что после ухода большевиков и левых эсеров Учредительное собрание превратилось не более чем в дымовую завесу, маскирующую попытки контрреволюции свергнуть Советскую власть. Поправка, внесенная левыми эсерами, предлагала вынести на рассмотрение Третьим Всероссийским съездом Советов вопрос о создании принципиально нового постоянного законодательного органа — Федерального конвента. Воплотившая намерения левых эсеров окончательно превратить Совнарком в исполнительный орган, расширить базу Советской власти и усилить свое руководящее влияние, а заодно смягчить впечатление от роспуска Учредительного собрания в народных массах, эта поправка была отвергнута большевистским большинством (77). Со своей стороны, Штейнберг, как нарком юстиции, настаивал также на необходимости назначения комиссии для расследования инцидентов со стрельбой накануне.

Рассмотрение вопроса о роспуске Учредительного собрания, намеченное первым пунктом повестки дня заседания ВЦИКа 6 января, задержалось из-за срочного заявления Рязанова. Самым решительным образом выразив протест против стрельбы, учиненной накануне, он потребовал отложить заседание ВЦИКа до съезда Советов, который должен вынести решение о правомерности действий Совнаркома, допустившего подобные эксцессы. Как и ранее Штейнберг, он настаивал, чтобы предварительно случаи со стрель-

бой расследовала специально назначенная комиссия. Это предложение было принято без обсуждения. Однако требование Рязанова перенести заседание ВЦИК было проигнорировано — в частности, возможно, потому что даже Штейнберг чувствовал, что проблема стрельбы раздувается несообразно масштабам самого события (78).

После незапланированного рязановского вмешательства слово взял Ленин, чтобы представить соображения, оправдывающие роспуск Учредительного собрания. «Столкновение между Советской властью и Учредительным собранием подготовлено всей историей русской революции», — провозгласил он с самого начала и назвал «смехотворными» утверждения о том, что развитие революции может быть делом рук одной партии или одного человека. «Пожар революции воспламенился исключительно благодаря неимоверным страданиям России». Признавая, что «в процессе развития революции... встретится ряд всевозможных ошибок и промахов», он уверял, что «всякое революционное движение неизменно всегда сопровождается времененным проявлением хаоса, разрухи и беспорядков». «Социалистическая революция не может сразу быть преподнесенной народу в чистеньком, гладеньком, безукоризненном виде, не может не сопровождаться гражданской войной и проявлением саботажа и сопротивлением». «Народ хотел созвать Учредительное собрание... — продолжал он. — Но он сейчас же почувствовал, что из себя представляет это пресловутое Учредительное собрание». «Учредительное собрание опять изъявило готовность отложить все больные, назревшие вопросы и задачи, предъявленные ему Советами» (79). Стало быть, тянуть с его роспуском было уже невозможно.

Согласно сообщению в «Правде», речь Ленина была встречена бурными аплодисментами, перешедшими в продолжительную овацию (80). В то же время, представитель партии объединенных социал-демократов интернационалистов Василий Строев, который обвинил Ленина в нарушении воли Второго съезда Советов, обязавшегося соблюсти прерогативы Учредительного собрания, подвергся оскорблению со стороны членов ВЦИКа, причем не только словесным. Уклоняясь от пинков и тычков, Строев ухитрился зачитать резолюцию, призывающую ВЦИК настоять на возобновлении и бесперебойной работе Учредительного собрания. Эта резолюция даже не была поставлена на голосование. Не меньшее мужество продемонст-

рировал Рязанов, заявивший, что он никогда не делал из Учредительного собрания фетиша, но считает, что раз оно было созвано, следовало дать ему время показать собственное лицо. Суханов резонно заметил, что, с точки зрения соответствия фактам, неправильно полагать, будто Учредительное собрание отказалось признавать завоевания Октябрьской революции, и призвал отменить распуск Учредительного собрания. То же сделал Лозовский, заявивший, что одобрить распуск было бы ошибкой и даже преступлением. Все тщетно. Левому эсеру Карелину выпала сомнительная честь представить ВЦИКу текст ленинского декрета о распуске Учредительного собрания, и рано утром 7 января он был принят подавляющим большинством голосов (81). Рязанов и Лозовский были среди тех, кто голосовал против (82).

Этот исторический шаг, наряду с другими решениями Совнаркома и ВЦИК, был постфактум одобрен Третьим Всероссийским съездом Советов рабочих и солдатских депутатов (83), проходившим в Петрограде 10–18 января 1918 г. 13 января произошло слияние Третьего съезда рабочих и солдатских депутатов с аналогичным съездом Советов крестьянских депутатов. Декрет объединенного съезда о государственных учреждениях Российской Республики подтвердил, что высшим органом государственной власти в период между съездами Советов является объединенный ВЦИК. Однако в том, что касалось распределения полномочий между Совнаркомом и ВЦИК, ясности не прибавилось. В декрете указывалось только, что ВЦИК имеет право назначать или отстранять членов правительства (полностью или частично) (84). По настоящию левых эсеров, полуавтономная крестьянская секция, существующая при объединенном ВЦИКе, заменила исполнком Всероссийского съезда Советов крестьянских депутатов (85). В ее обязанности входили доработка аграрной программы левых эсеров (программы «социализации земли»), контроль за ее реализацией и координация крестьянских законопроектов вообще (86). Возглавляемая Марией Спиридоновой, эта секция, которой суждено было стать оплотом левых эсеров, даже не была упомянута в декрете Третьего съезда о государственных учреждениях. В декрете говорилось, что задача уточнения функций государственных учреждений возлагается на новый ВЦИК, в котором абсолютное большинство оставалось за большевиками, и на следующий съезд

Советов (87). Возможно, из-за занятости более насущными вопросами, связанными с ведением революционной войны или принятием «позорного» мира, у ВЦИКа, избранного Третьим съездом Советов, так и не нашлось времени вернуться к рассмотрению структуры государственной власти.

* * *

Пресечение Лениным в середине декабря 1917 г. попыток умеренных большевиков соблюсти прерогативы Учредительного собрания знаменовал конец их существования как влиятельной и сплоченной внутрипартийной силы. А разгон большевиками Учредительного собрания три недели спустя похоронил надежды российских либералов и умеренных социалистов на то, что революция 1917 г. еще может завершиться формированием в России демократической политической системы западного образца. Конечно, свою роль в этом сыграли такие факторы, как мощная народная поддержка большевиков в Петроградском регионе, которую продемонстрировали ноябрьские выборы в Учредительное собрание, и отказ эсеровского руководства прибегнуть к физической силе ради защиты Учредительного собрания — в отличие от большевиков и левых эсеров, готовых с оружием в руках защищать Советскую власть. Но самый главный фактор, возможно, указал Святыцкий, который объяснял судьбу Учредительного собрания глубоким безразличием русского народа, позволившим Ленину просто дать отмашку: «Пусть расходятся по домам!».

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Новая жизнь 1918 6 января С 2

2 ЦГАИПД Ф 4000 Оп 5 Д 2365 Л 1-12

3 Протасов Л Г Всероссийское Учредительное собрание История рождения и гибели — М. 1997 С 306

4 Наш век 1918 6 января С 3

5 Новая жизнь 1918 6 января С 2

6. Новая жизнь. 1918. 6 января. С.2.
- 7 *Louis de Robien*. The Diary of a Diplomat in Russia, 1917–1918. — New York and Washington, 1969. Р.196.
- 8 *Шкловский Виктор*. Сентиментальное путешествие. — М., 1990 С.144–145.
9. Новая жизнь. 1918. 6 января. С.2.
10. См. выше, глава 3
11. Наш век. 1918. 6 января. С.3
12. Новая жизнь. 1918. 6 января. С.2.
13. Там же.
14. Наш век. 1918. 6 января. С.2.
15. Всероссийское Учредительное собрание. Под ред. М.Н. Покровского и Я.А. Яковлевой. — М.–Л., 1930. С.68.
16. Новая жизнь. 1918. 6 января. С.2.
17. *Вишняк М.В.* Всероссийское Учредительное собрание. — Париж, 1932. С.99.
- 18 *Святыцкий Н.* 5–6 января 1918 года: Из воспоминаний бывшего эсера //Новый мир. 1928. №2 С.223.
19. *Зензинов В.И.* Из жизни революционера. — Париж, 1919. С 99 См. также *Вишняк*. Указ. соч. С.100.
20. *Огановский Н.* Дневник члена Учредительного собрания //Голос минувшего. 1918. №4–6. С.148.
21. *Раскольников Ф.Ф.* Рассказ о потерянном дне //Новый мир 1933 №12 С.96.
22. Социал-демократ. 1918. 6 января. С.3.
23. В неопубликованных мемуарах Подвойского, написанных им в 1920-е годы, есть указание на то, что большинство провинциальных делегатов были не в курсе самых последних указаний Ленина насчет Учредительного собрания. — РГАСПИ. Ф.146. Оп 1. Д.47. Л.12–14.
24. *Раскольников*. Указ соч. С.96–97.
25. По этому поводу см. *Знаменский О.Н.* Всероссийское учредительное собрание. История созыва и политического крушения. — Л., 1976 С.339.
26. Там же. См. также Всероссийское Учредительное собрание. Под ред. Покровского и Яковлевой. С.203.
27. *Бонч-Бруевич* На боевых постах. С.248.
28. Там же. См. также *Раскольников*. Указ. соч. С 97–98; *Мстиславский* Пять дней. С.144–145; *Огановский*. Указ. соч. С 154–155; *Святыцкий*. Указ. соч. С.225.
29. Всероссийское Учредительное собрание. Под ред. Покровского и Яковлевой. С.4–5.
30. *Святыцкий*. Указ. соч С.225. Идеализируя этот инцидент, Святыцкий пишет: «Это была величественная картина, когда Всероссийское Учредительное собрание в целом, без разграничения фракций, единодушно пело боевой гимн революционных социалистов».
31. Всероссийское Учредительное собрание. Под ред. Покровского и Яковлевой. С.9.
- 32 Там же С.17 По поводу критических оценок выступления Чернова см *Огановский*. Указ. соч С.156–171, *Вишняк* Указ. соч С.108–109; *Мстиславский*. Указ. соч С.149–150.
33. *Огановский*. Указ соч С 157.
- 34 Всероссийское Учредительное собрание Под ред Покровского и Яковлевой С.9–23; *Чернов В.М.* Перед бурей — Нью-Йорк, 1953 С 362–380.

35. Мстиславский Указ. соч. С.149–150.
36. O.N. Radkey *The Sickle Under the Hammer: The Russian Socialist Revolutionaries in the Earliest Months of Soviet Rule*. — New York, 1963. P 394.
- 37 ЦГА СПб Ф 1000. Оп 1. Д 7. Л.27
38. Личность Бухарина и его роль в большевистской и советской истории прекрасно освещены в книге *Stephen F. Cohen* *Bukharin and the Bolshevik Revolution A Political Biography*. — New York, 1973 (русский перевод — Коэн Стивен Бухарин Политическая биография, 1888–1938. — М., 1988)
39. Всероссийское Учредительное собрание. Под ред. Покровского и Яковлевой. С 25–31.
40. Там же. С 32–34.
41. Там же С.35–36.
42. Мстиславский. Указ. соч. С.151.
- 43 Всероссийское Учредительное собрание. Под ред Покровского и Яковлевой. С 36
- 44 Огановский. Указ. соч. С 150.
- 45 Всероссийское Учредительное собрание Под ред. Покровского и Яковлевой С.38
46. Там же. С 41–44.
47. Там же. С.45.
48. Там же. С.50–53.
- 49 Мстиславский Указ. соч. С.152, Огановский. Указ. соч С 158; *Albert Rhys Williams*. *Journey into Revolution: Petrograd, 1917–1918* — Chicago, 1969. P.200 См также Вишняк. Указ соч. С.152; *Leopold Haimson*. *The Mensheviks After the October Revolution Part 3 //The Russian Review July 1980*. P 467–469.
50. *Денике Ю.П И.Г. Церетели //Новый журнал. 1959. №57* С.284
- 51 Не путать с Питиримом Сорокиным, в то время все еще находившимся в заключении
52. Всероссийское Учредительное собрание. Под ред. Покровского и Яковлевой. С.61–64; Огановский. Указ соч. С 158
- 53 Всероссийское Учредительное собрание Под ред Покровского и Яковлевой. С.62–63
54. Там же. С.63–64.
55. Огановский. Указ. соч. С.158
56. Знамя труда. 1918. 7 января. С 4.
57. Всероссийское Учредительное собрание. Под ред. Покровского и Яковлевой. С.64.
58. Мстиславский. Указ. соч. С.152.
59. Новая жизнь. 1918. 7 января. С.2.
- 60 Раскольников Указ. соч С.102.
61. Новая жизнь. 1918 7 января. С.2.
- 62 Раскольников. Указ соч. С.102; Вишняк. Указ. соч С 112–113
- 63 Раскольников. Указ. соч. С 102; Святыцкий Указ соч. С 227
- 64 Всероссийское Учредительное собрание. Под ред Покровского и Яковлевой. С 85–90
- 65 Там же. С 88–90
- 66 Там же С.89.
- 67 Раскольников Указ соч С 103.

- 68 Всероссийское Учредительное собрание. Под ред. Покровского и Яковлевой С 90, *Мстиславский Указ* соч С 154–155
- 69 Всероссийское Учредительное собрание. Под ред. Покровского и Яковлевой С 90–91
- 70 Там же С 91–94
- 71 Там же С 108–109
- 72 Там же С 110, *Мстиславский Указ* соч С 157–160, *Огановский Указ* соч С 160, *Вишняк Указ* соч С 115
- 73 Всероссийское Учредительное собрание. Под ред. Покровского и Яковлевой С 110
- 74 Там же С 110–113
- 75 *Вишняк Указ* соч С 105
- 76 *Святыцкий Указ* соч С 228
- 77 РГАСПИ Ф 19 Оп 1 Д 41 Л 1, ГАРФ Ф 130 Оп 2 Д 1 Л 9–10 См также *Разгон* ВЦИК Совстов С 287
- 78 *Keep The Debate* Р 260, Знамя труда 1918 7 января С 4.
- 79 *Ленин В И* Полн собр соч Т 35. С 138–142, *Keep The Debate* Р 260–264
- 80 *Keep The Debate* Р 264
- 81 *Ibid* Р 265–266
- 82 Знамя труда 1918 9 января С 3
- 83 Третий Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов — Иг., 1918 С 43–44, 87
- 84 Там же С 93–94
- 85 Партия левых социалистов-революционеров Документы и материалы Т 1 С 235–237
- 86 Там же По поводу крестьянской секции см. ниже, гл. II, а также *Сивчуна Т А* Образование и деятельность крестьянской секции ВЦИК //Вестник Московского Университета 1969 №2 С 14–16 См также отчет Сириидоновой о работе крестьянской секции Пятому Всероссийскому съезду Советов — Пятый Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Стенографический отчет — М., 1918 С 50–59
- 87 Третий Всероссийский съезд Советов С 87, 94 ВЦИК, сформированный Третьим съездом Советов, состоял из 160 большевиков, 125 левых эсеров, 2 меньшевиков-интернационалистов, 3 анархистов-коммунистов, 7 эсеров-максималистов, 7 правых эсеров и 2 меньшевиков